В. В. СЕМАКОВ
Петрозаводский государственный университет

ПОЭТИКА ГЛАГОЛЬНОЙ ФОРМЫ В СТАРООБРЯДЧЕСКОМ ДУХОВНОМ СТИХЕ

Трагедийные мотивы Страшного суда, вошедшие в древнерусскую книжную культуру в эпоху принятия христианства, в целом не получили в ней какого-либо серьезного богословского или художественного продолжения. И хотя христианская (и шире - средневековая) мораль во многом поддерживалась страхом будущего "предстояния пред Господом", тем не менее древнерусская литература не акцентирует свое внимание на том, что будет, она, скорее, актуализирует прошлое[1].

Обостренное внимание к будущему проявляется в рамках средневековой культуры уже на излете ее истории, когда в массовом сознании современность катастрофически приближается к эсхатологическому финалу. Время середины XVII - начала XVIII века (никоновской "справы" и петровских реформ) прочитывается традиционалистами как предвестие Страшного суда, а старообрядческое его переживание претворилось в огромное количество художественных и богословских текстов, разрабатывающих эту проблему[2]. Среди подобных сочинений особенно интересны духовные стихи и, в частности, стихи Выго-Лексинского общежительства - крупнейшего духовного и организационного центра русского беспоповского старообрядчества XVIII-XIX вв.

Выго-Лексинская поэзия примечательна своим синтетическим характером. Демократизм и народное начало, характерные для

© Семаков В. В., 1996

[1] В рамках религиозного (космологического) сознания, во многом определявшего специфические черты средневековой культуры, происходящие события оказываются значимыми, поскольку соотносятся не с будущим, а с прошлым. События настоящего - отражение первоначального прошлого. См.: *Успенский Б. А.* История и семиотика: Восприятие времени как семиотическая проблема // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. № 23.

[2] См.: *Гурьянова Н. С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 17-38; *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 37-56.

старообрядчества XVIII века, превратили выговскую литературу в непретворявшееся доселе в пределах одной школы тесное соединение двух направлений словесности - фольклора и литературы. В сфере поэзии это привело к тому, что среди писателей выговской школы были и авторы литургических гимнов, и силлабисты, и создатели стихов, подчиненных фольклорным законам[3].

Духовные стихи Выга заметно отличаются от классических "общерусских" стихов прежде всего двумя особенностями: своей церковнославянской основой и ритмической организацией. Эти черты как будто указывают на то, что перед нами явление литературы, но не фольклора. Традиция исключать старообрядческие духовные стихи из корпуса фольклорных текстов идет еще с прошлого века и наглядно представлена, например, в книге Г. Федотова "Стихи духовные"[4]. Между тем так называемые "силлабические" стихи, распространявшиеся как устно, так и письменно, обнаруживают весьма специфические черты, которые позволяют говорить об особом книжном фольклоре, где, по словам В. П. Адриановой-Перетц, "вырабатываются постоянные формулы для выражения тех или иных настроений, застывшие образы, легко переносившиеся из одного стиха в другой"[5].

Настоящая работа посвящена языковым особенностям выговского "Стиха преболезненного воспоминания озлоблении кафоликов"[6]. "Воспоминание..." широко распространено в устной и письменной традиции старооообряческого Севера и Верхокамья[7].

---

[3] См.: *Понырко Н. В.* Выговское силлабическое стихотворство // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 276.

[4] Объясняется это тем, что "силлабическая форма... несет с собой книжный, славяно-русский словарь и такую богословскую грамотность, которая намного превышает уровень чисто народных песен". См.: *Федотов Г.* Стихи духовные. М., 1991. С. 14. Силлабическими здесь называются все рифмованные стихи, что не соответствует принятому значению термина "силлабический".

[5] *Адрианова-Перетц В. П.* Старообрядческая литература XVIII века // История русской литературы. М.; Л., 1947. Т. 4. Ч. 2. С. 92.

[6] Для старообрядческой культуры актуальными были древнерусские значения слов "озлобление" (т. е. "страдание", "притеснение") и "кафолик" (т. е. член раннеапостольской церкви). См.: Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 95; М., 1987. Вып. 12. С. 310-311.

[7] См.: *Философова Т. В.* К изучению репертуара духовных стихов в северодвинской рукописной традиции // Материалы 28 Всесоюзной научной студенческой конференции "Студент и научно-технический прогресс". Филология. Новосибирск, 1990. С. 39; *Никитина С. Е.* Устная традиция в народной культуре русского населения Верхокамья // Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982. С. 113-115.

Текстологическая история этого духовного стиха мало изучена, мнения исследователей старообрядческой письменности по поводу создателя стиха противоречивы. Так, В. Г. Дружинин осторожно приписывает авторство Андрею Денисову - киновиарху общежительства в первой трети XVIII века[8], Н. В. Понырко, однако, считает, что "указание В. Г. Дружинина... не находит подтверждения в источниках"[9]. Для духовных стихов даже позднего происхождения такая ситуация вполне закономерна, выделить первичный вариант, протограф, чрезвычайно трудно, для нас в данном случае главным представляется время и место создания памятника, а они в целом определены - это Выг начала XVIII века[10].

Существует несколько вариантов стиха, наиболее интересные из них опубликованы в сборниках В. Варенцова и Ф. Селиванова[11]. Тематически "Воспоминание..." примыкает к стихам, составляющим своеобразную эсхатологическую энциклопедию беспоповского старообрядчества, к ним можно отнести стихи "О Никоне", "О временах антихристовых" и др.[12]. Выговские духовные стихи продолжают общерусскую традицию стихов, посвященных теме Страшного суда, однако в старообрядческой поэзии эта тема получает своеобразное развитие и содержательно, и формально.

Композиционно стих можно разделить на несколько частей, связанных между собой специальными синтаксическими скрепами (вставными репликами), структурно и содержательно резко выделяющимися на окружающем повествовательном фоне[13].

---

[8] См.: *Дружинин В. Г.* Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911. С. 22.

[9] *Понырко Н. В.* Указ. соч. С. 276.

[10] О принадлежности этого стиха к лучшим образцам старообрядческой духовной поэзии см. также: *Порфирьев И.* История русской словесности. Ч. 1. Казань, 1886. С. 352.

[11] См.: *Варенцов В.* Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. С. 179-183; Стихи духовные / Сост., вступ. ст., подг. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М., 1991. С. 258-260. В дальнейшем "Стих преболезненного воспоминания озлоблении кафоликов" цитируется по публикации В. Варенцова, в тексте статьи используется и сокращенное его название ("Воспоминание...").

[12] В выговской терминологии все они - стихи "преболезненного воспоминания". См.: *Адрианова-Перетц В. П.* Указ. соч. С. 89.

[13] Синтаксически вставные реплики противостоят основному корпусу предложений с глагольным предикатом: они в большинстве своем безглагольны и служат для эмоционального окрашивания повествования (помимо композиционной функции). Аналогичные конструкции отмечаются, в частности, в произведениях протопопа Аввакума (см.: *Тарланов З. К.* Текстообразующая роль синтаксических конструкций в "Житии протопопа Авваку-

1. По грехом нашим на нашу страну
Попусти Бог такову беду:
Облак темный всюду осени,
Небо и воздух мраком потемни... (1-4)[14]
Тогда твари вся ужаснушася,
Но и бездны вся содрогнушася... (9-10)
2. Ох, увы, увы, лютых тех времен,
Ох, увы, увы, скорбных оных дней!
Како лютый зверь сад наш погуби,
Вся древесия вскоре попали... (28-32)
3. Ох, увы, увы, благочестие,
Увы, древнее правоверие!
Кто лучи твоя вскоре потемни?
Кто блистания тако измени?
Десятирожный зверь сие погуби,
Седмиглавый змий тако учини... (38-44)
Церкви божия истребишася,
Тайнодействия вси лишишася... (47-48)
4. Оле бедствия нам без пастырей!
Оле лютости без учителей!
По своей воле вси скитаемся
От зверей лютых уязвляемся... (55-58)
Уже жизнь сия скончавается
И день судный приближается.
5. Ужаснись, душе, суда страшнаго
И пришествия всеужаснаго.
Окрылись, душе, крилы твердости,
Растерзай, душе, мрежи прелести.
Ты пари, душе, в чащи темныя
От мирских сует удаленныя... (85-92)
Простирай мольбы к богу многия,
Крепко на него уповай,
Во веки его прославляй. (97-100)

Первые две части стиха - рассказ о причинах церковного нестроения, которые видятся старообрядцам в освобождении дьявола и приходе его на русскую землю, в третьей части эсхатологические события конкретизируются в ближайшем прошлом - времени никоновских гонений на "древлеправославных", далее речь идет о современном переживании нескончаемого "бедствия" и, нако-

---

ма" // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39.), но если у Аввакума они являются элементом народно-разговорного сказа, то в "Воспоминании..." ярко заявляет о себе их церковнославянская основа. Так, родительный падеж имени при междометии ("Ох, увы, увы, лютых тех времен" и др.) - специфическая книжно-славянская особенность, отмеченная в "Грамматике" М. Смотрицкого (см.: *Кутина Л. Л.* Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблема языкового типа // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 41.).

14 В скобках указывается порядковый номер стиха.

нец, следует финальная часть духовного стиха, в которой звучит призыв не бояться "реки огненной" (Страшного суда).

С поэтической точки зрения среди грамматических форм "Воспоминания..." в наибольшей степени актуализированы формы глагола. Сама тема духовного стиха (о "последних временах") предопределила и повышенную частотность личных глагольных форм, и позицию глагольных предикатов в стихотворной строке. Так, на 100 строк отмечено 79 глаголов, причем большинство из них или замыкают строку, образуя глагольную рифму (55 глаголов), или открывают ее, создавая анафорические ряды (15 глаголов)[15].

Предпочтение, которое отдается глаголу в создании рифм, связывает "Воспоминание..." с предшествующей традицией. Еще в прошлом веке А. И. Соболевский обратил внимание на глагольную рифму в "Повести о разорении московского государства", связывая ее появление в прозаическом тексте с западным влиянием[16]. Л. Н. Майков и позже Н. П. Попов на примере "Сказания" Авраамия Палицына и ряда других памятников XVII века склонны были оценивать рифму как исконное явление, связанное с традицией языка фольклора[17], причем "начальные попытки рифмотворства в северной Руси... сводятся чаще всего к бедным созвучиям, построенным на глагольных окончаниях"[18].

В нашем случае преимущественно глагольная рифмовка позволяет говорить не только о семантической выделенности глагола и его грамматической формы[19], но и о наложении двух традиций ритмической речи конца XVII - начала XVIII века: книжной и народной. "Воспоминание...", часто именуемое публикаторами

---

[15] Доминирующее положение глагола в поэтике стиха ярко проявляется на фоне сравнительно редкого употребления прилагательных (всего 31 пример), большинство из которых входят в терминологизированные синтагмы, лишенные художественной образности ("святый пастырь", "сан священный", "чин церковный", "церкви божия" и др.).

[16] См.: *Соболевский А. И.* Из истории русской литературы XVII века // Библиограф. 1891. № 3-4.

[17] См.: *Майков Л. Н.* К истории русских стихов // Библиограф. 1891. № 7-8; *Попов Н. П.* К вопросу о первоначальном появлении вирш в северно-русской письменности. Пг., 1918.

[18] *Попов Н. П.* Указ. соч. С. 4.

[19] По мнению Р. О. Якобсона, "в славянском рифмованном стихе мы наблюдаем либо капитуляцию перед грамматической рифмой, либо сопротивление ей: безразличие к грамматическому аспекту рифмы исключено". См.: *Якобсон Р. О.* Основы славянского сравнительного литературоведения // Якобсон Р. О. Избранные работы. М., 1987. С. 28.

"силлабическим"[20], именно вследствие этих особенностей противостоит общей традиции силлабики. Дело в том, что мужские и дактилические рифмы абсолютно преобладают в нашем материале (на 100 стихов соответственно 58 дактилических рифм, 34 мужских, 4 женских) и опосредованы выбором грамматической формы (преимущественно глагольной), в которой женских ударений чрезвычайно мало (например, все рифмованные аористы стиха дают 19 мужских, 8 дактилических рифм и ни одной женской). Между тем, классическая силлабика ориентирована именно на женские окончания строки и отдает предпочтение существительному и прилагательному в качестве рифмообразующих частей речи[21].

Среди грамматических форм глагола наиболее разнообразны формы времени, собственно говоря, именно они и предназначены для языкового выражения сущностной доминанты эсхатологического сюжета. Всего в стихе отмечено 79 личных форм глагола, из них форм аориста - 30, имперфекта - 4, прошедшего времени на -л - 10, настоящего - 22, будущего времени - 2. Отдельно отметим 11 форм повелительного наклонения, которые формально не входят в темпоральную парадигму, но семантически близки будущему времени.

Статистика глагольных форм определяет основной темпоральный диапазон стиха - от прошедшего во всех его частных проявлениях до будущего. Конечно, формальный аспект не определяет всей временной семантики (в конкретном употреблении будут наблюдаться и переходные случаи), но достаточно определенно говорит о ее сложности. Среди форм прошедшего времени заметен аорист, который создает временной фундамент повествования. Это точка отсчета темпорального сюжета, его начало. Аористные формы актуализированы двумя приемами: ритмическим (рифмативным) и композиционным. Так, абсолютное большинство аористных образований представлено в позиции конца строки и образует глагольную рифму. Ряды аористных единоконечий - самая яркая черта тех фрагментов "Воспоминания...", в которых речь идет о космологических причинах ближнего конца света:

---

20 Точнее видеть здесь неравносложные вирши с двойной смежной рифмой.

21 По частотности мужских рифм анализируемый духовный стих весьма далек не только от классического силлабизма, но и от досиллабического стихотворства и сближается с раешником XVII века (например со стихотворной обработкой "Шемякина суда"). См.: *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVIII века. Л., 1973. С. 224-225.

Облак темный всюду *осени*,
Небо и воздух мраком *потемни*,
Солнце в небеси скры своя лучи,
И луна в нощи светлость *помрачи*,
Но и звезды вся потемниша зрак
И дневной свет преложися в мрак,
Тогда твари вся *ужаснушася*,
Но и бездны вся *содрогнушася*,
Егда адский зверь ея *разреши*,
От заклеп твердых нагло *изкочи*...

Формы аориста связывают не только двустишия, но и целые фрагменты стиха. Так, первый и третий фрагменты повествовательной части вступают в своеобразный диалог, в котором глагольная рифмовка дублируется не только формально, но и содержательно:

Облак темный всюду *осени*,
Небо и воздух мраком *потемни*
Солнце в небеси скры своя лучи,
И луна в нощи светлость *помрачи*.
. . . . . .
Тогда твари все *ужаснушася*,
Но и бездны вся *содрогнушася*.

Кто лучи твоя вскоре *потемни*?
Кто блистания тако *измени*?
Десятирожный зверь сие *погуби*,
Седмиглавый зверь тако *учини*.
. . . . . .
Церкви Божия *истребишася*,
Таинодействия вси *лишишася*.

Композиционная перекличка является не только тематическим повтором, усиливающим эмоциональное восприятие. При всей схожести апокалиптического описания можно обнаружить определенный сюжетный переход: от описания вселенских событий к повествованию о событиях русской церковной истории (от "давнопрошедшего", связанного с ветхо- и новозаветными аллюзиями, к прошедшему, связанному с никоновской "ересью"). Причина и следствие, представленные в композиционной зеркальности, поэтически объединяются сходными претеритными рифмами.

После риторического вопроса ("Почто в юности мы не умрохом, В самой младости мы не уснухом") аорист в дальнейшем (ст. 65-100) не встречается, а временной план меняется на настоящий.

Формы настоящего времени появляются точно в середине стиха (ст. 51) в чередовании с перфектными и причастными образованиями:

Зело горестно о сем *плачемся*,
Увы, беднии, вси *сокрушаемся*,
Что вси пастыри посмрадилися,
В еретичестве потопилися.
Оле бедствия нам без пастырей!
Оле лютости без учителей!
По своей воле вси *скитаемся*,
От зверей лютых *уязвляемся*...

С 67 по 87 ст. эти формы господствуют, лишь один раз прерываясь причастной рифмой (истребляеми - умножаеми). Появление настоящего времени связано с дальнейшим развитием темпорального сюжета (давнопрошедшее - прошедшее - настоящее). В отличие от эпического прошлого, это настоящее субъективированно и лирично:

И мы горце вси выну плачемся,
Преболезненно сокрушаемся...

Заключительная часть стиха характеризуется резкой сменой позиции предиката (от эпифоры - к анафоре) и наклонения (от изъявительного - к повелительному). Из 12 личных глагольных форм 10 открывают строку (*ужаснись*, *окрылись*, *растерзай*, *поминай* и др.), и все они - формы императива. Индикатив представлен лишь одной формой ("Поминай верных тамо мал собор, *Укрываются* посреде холмов"), которая выглядит как случайная и заменяется в других вариантах на причастие[22].

С семантической точки зрения, "повелительное наклонение отличается экспрессивностью, аффективностью своих грамматических значений. В категории повелительного наклонения экспрессивные смысловые оттенки господствуют над отвлеченными, интеллектуальными значениями форм"[23]. Таким образом, духовный стих, начинаясь эпическим аористом, завершается предельно субъективированным императивом, что позволяет говорить об особой поэтической функции форм времени и наклонения.

Совмещение эпического и лирического в духовном стихе актуализирует и формы лица глагола. Если в "космологической" части почти исключительно употребляются претериты 3-го л. ед. и мн. числа (*потемни*, *помрачи*, *ужаснушася*, *содрогнушася*, *уловляхуся*, *умерщвляхуся*), то в дальнейшем, при смене временного континуума, лицо глагола меняется. В описании настоящего активно употребляются формы 1-го л. мн. числа (*скитаемся*, *уязвляемся*, *плачемся*, *сокрушаемся*). Наконец, в заключительной части стиха императивные формы ед. числа (*ужаснись*, *окрылись*, *поминай*, *не страшись*) предельно субъективируют глагольную форму, а вместе с ней и концовку стиха[24]. "Личный" грамматический сю-

---

[22] См., например, вариант стиха из сборника Ф. М. Селиванова: "Постигай тамо верных мал собор, Укрывающихся посреде холмов" (с.260).

[23] *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1972. С. 469.

[24] Повелительное наклонение, естественно, значительно отличается от индикатива в особенностях выражения лица. Как писал Р. О. Якобсон, "оно не имеет ни самостоятельной корреляции лица, ни самостоятельной корреляции времени, ни корреляций согласований в числе и роде" (*Якобсон Р. О.*

жет в этом случае выстраивается следующим образом: *он/они - мы - ты.*

Вместе с глагольным лицом в стихе актуализированы и притяжательные местоимения, вербализующие субъективность повествования в целом. Собственно говоря, именно они создают фон обобщенной субъективности, поскольку обнаруживаются в композиционно значимых фрагментах текста - в зачине ("По грехом *нашим на нашу* страну Попусти Бог такову беду") и в стихах, отмечающих границы частей ("Оле бедствия *нам* без пастырей! Оле лютости без учителей!").

Грамматическая динамика, представленная последовательной сменой форм времени, лица и наклонения и выстраивающая своеобразный грамматический сюжет, несомненно связана с целым рядом экстралингвистических факторов. Главными из них, на наш взгляд, являются особая историко-религиозная концепция выговских старообрядцев, для которой характерно совмещение эсхатологического мифа и современности, а также фактор жанра.

Старообрядческая эсхатология, в основных своих чертах повторяющая общеправославную, отличается от нее, пожалуй, одной принципиальной особенностью: если традиционные представления о конце света относили начало апокалиптического действия в будущее, то для старообрядцев Страшный суд уже наступил[25]. "Инаго уже отступления нигде не будет, везде бо бысть последнее Руссии, и тако час от часа на горшее происходят", -

---

О структуре русского глагола // Якобсон Р. О. Избранные работы. М., 1985. С. 217; об этом же см.: *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 196). Тем не менее, наличие личного местоимения ("не убойся ты огня вечнаго"), а также регулярная постановка звательной формы ("душе") позволяет говорить об опосредованной субъективации действия, когда "говорящий, выдвигая название действия-состояния, ставит своему собеседнику или данному третьему лицу обязанность стать его субъектом" (*Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. М., 1941. С. 483).

[25] Общеправославная эсхатологическая теория основными признаками и знамениями приближения или наступления "последних времен" называет: разорение и кончину монаршества Римского, проповедь Евангелия во всем мире, приход на землю пророков Еноха, Илии и Иоанна Богослова с целью обличить антихриста, убийство их антихристом после 42 месяцев проповеди и т. п. Идеологи официального православия в начале XVIII века утверждали, что "последние времена" еще не наступили. По их мнению, знамения и признаки этого в реальной жизни еще не наблюдаются. См.: *Гурьянова Н. С.* Указ. соч. С. 17.

заявляет инок Авраамий[26]. Старообрядческая историософия, обнаруживающая явленного антихриста в лице патриарха Никона или царя Алексея Михайловича (позже - Петра I), предлагает идею "продолженной смерти", которая реализовывалась не только в многочисленных "гарях" конца XVII века, но и стала главной в поэтическом мире эсхатологического стиха. "По роковому убеждению наших духовных стихов будущего на земле уже нет, а есть только одно гнетущее, тоскливое настоящее, из которого путь один, и уже решительный выход - безапелляционный суд, без малейших проволочек и без всяких исправительных мер", - писал Ф. И. Буслаев[27]. Судя по "Воспоминанию...", это "тоскливое настоящее" императивно завершается, а стихи "преболезненного воспоминания" повествуют о том, о чем общерусский духовный стих мог лишь предполагать. Отсюда и различие в развитии временного сюжета, который в старообрядческих стихах разворачивается через прошедшее в настоящее, в общерусских - через настоящее в будущее. Общие контексты близки содержательно, но отличаются на грамматическом уровне (в формах глагольного времени). Особенно это заметно в описаниях природных катаклизмов, связанных с началом антихристова царствования, например:

По грехом нашим на нашу страну
Осени облак зело мрачный.
Солнце угаси лучи светлые
И свет не яви на лице земли.
(О Никоне. С. 253.)

По грехам нашим на нашу страну
Осени облак зело мрачный,
Постигла нас тьма несветимая,
Солнце угаси светлая,
Свет свой не яви
На лицы земли.
(О временах антихристовых. С. 255.)

Тогда небо и земля потрясется,
И камения все распадутся,
Месяц и солнце преумеркнет,
Луна кровью претворится.
(О нынешнем веке и будущем. Б., 5, № 478.)

[26] *Барсков Я. Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912. С. 162.

[27] *Буслаев Ф. И.* Русские духовные стихи // Буслаев Ф. И. О литературе: Исследования. Статьи. М., 1990. С. 332.

Небо и земля потрясется,
То каменные грады разрушатся...
Да солнце, месяц померкнет,
Луна с кровью претворится.
(О Страшном суде. В., 162.)

Темпоральный сдвиг старообрядческого эсхатологического стиха повлиял и на степень эмоционального переживания. Для старообрядческого мира страдания "древлеправославных" не предполагаются в будущем, но проживаются в настоящем. Синтаксические конструкции типа "Ох, увы, увы, лютых тех времен!", условно-вопросительные предложения ("И чего еще хочем ожидать, Посреди мира долго пребывать?"), широкое употребление местоимений 1-го лица (мы) не в прямой речи в целом не характерны для общерусского стиха[28], но являются важнейшими языковыми средствами аффектированного стиля "Стиха преболезненного воспоминания...". Контаминация эпического и лирического, в нашем случае реализованная на синтаксическом и морфологическом уровне, опосредована художественными и идеологическими мотивами: это и эстетическое осмысление истории, и коллективное покаяние.

Переходя к вопросу о влиянии жанра на языковое своеобразие стиха, несколько подробнее остановимся на проблемах, связанных с жанровой атрибуцией. Духовные стихи, ставшие предметом филологического изучения в 60-е годы прошлого века, до сих пор весьма слабо конституированы с точки зрения жанра. Обычно их определяют как эпические или лирические произведения религиозного характера[29]. Уже в этом случае стихи не вмещаются в рамки одного жанра, поскольку лирика и эпос в традиционной классификации имеют свои жанровые подсистемы. Тематический принцип (а именно он является определяющим в жанровой атрибуции духовных стихов) на практике дает чрезвычайно сильный стилистический разброс текстов, одни из которых сходны с былинами, другие - с виршами XVII - начала XVIII века, третьи - с лирическими песнями (можно назвать еще покаянные стихи, баллады, жестокие романсы и пр.)[30]. Пытаясь сохранить единственное объединяющее начало - тематизм, В. Бессонов разделил духовные

---

[28] Общерусский духовный стих в этом отношении близок былинной поэзии, для которой типично повествование и описание. См.: *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М., 1958. С. 541.

[29] См., например: *Порфирьев И.* Указ. соч. С. 303-304; *Соколов Ю. М.* Русский фольклор. М., 1941. С. 284.

[30] См.: *Новиков Ю. А.* К вопросу об эволюции духовных стихов // Русский фольклор . Л., 1971. Т. 12. С. 209.

стихи на "старшие" и "младшие". К "старшим" он отнес религиозные эпические стихи, связанные с былинной традицией ("Голубиную книгу", стих об Алексее Божьем человеке, стих об Аника-воине и др.), к "младшим" - стихи, возникшие после второй половины XVII века в "сектантской" среде, в том числе старообрядческой[31]. Подобное разделение было оправдано внутренними (собственно языковыми) приметами текстов: в "старших" заметно тяготение к традиционному набору эпических формул, "младшие" были ближе к книжной поэзии XVII века с ее опорой на церковнославянский язык (особенно в грамматическом строе). Однако дихотомия "старшие"/"младшие" была подорвана позднейшей историей духовного стиха, который, продолжая выполнять прежние функции, удивительно легко сомкнулся с новой поэтической традицией.

В новейших исследованиях атрибуция жанра все чаще связывается с двумя особенностями духовного стиха: его функционированием и связью с письменной культурой. Так, С. Е. Никитина следующим образом определяет совокупность признаков, которые объединяют тексты, называемые народом стихами: "Это непосредственное или опосредованное книжное происхождение, это тенденция к бытованию в устной и письменной традиции, общие правила функционирования текста, это двуязычность и двустильность, проявляющиеся на всех языковых уровнях... Главной же семантической характеристикой духовного стиха, объединяющей все его виды, является определенная ценностная ориентация"[32].

Итак, духовные стихи в целом, скорее, не жанр, а область словесного творчества, но, взятые по отдельности, они сближаются с совершенно конкретными литературными и фольклорными жанрами, поэтому, на наш взгляд, правомерно говорить о языковых особенностях "Воспоминания..." и в сравнительно-типологическом аспекте.

Словесное творчество Выга - воссоздание уходящей древнерусской традиции (см. выше), и именно поэтому связь с фольклором, столь характерная для литературы средневековья, проявляется здесь с особой силой. Как писала В. П. Адрианова-Перетц, "общность художественного метода древнерусской литературы и фольклора, независимая от непосредственного влияния, возникает иногда и потому, что обе разновидности творчества опираются

---

[31] *Бессонов П.* Калеки перехожие: Сборник духовных стихов. Вып. 3. СПб., 1861. С. 721-722.

[32] *Никитина С. Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993. С. 55.

на одно и то же явление действительности. Например, отражая реальную историческую действительность, ряд повествовательных памятников Древней Руси с XI до начала XVII века облекает горестные настроения изображаемых лиц по поводу событий в общественной и личной жизни в форму плачей-причитаний"[33]. Традиция эта была продолжена и выговской поэтической школой, развивавшейся в районах бытования заонежской причети, классические образцы которой были записаны в XIX-XX вв.

Наряду с духовными стихами причеть как жанр шире известных нам родовых понятий. Еще А. Н. Веселовский относил причитание к синкретической поэзии[34]. Позже В. Я. Пропп признавал, что "причитания занимают промежуточное положение между поэзией эпической, лирической и обрядовой. По силе эмоций, выраженных в них, они относятся к области лирики, по формам бытования - к обрядовой поэзии, а по наличию в них нарративных элементов они близки к поэзии эпической"[35].

Определение В. Я. Проппа абсолютно корректно и для эсхатологических стихов Выга, в частности для "Воспоминания..." Действительно, рассмотренные выше грамматические и синтаксические особенности стиха определенно указывают на его лироэпическую природу, причем здесь эпическое и лирическое не только представлены своими синтаксическими доминантами - повествованием и монологом, но и искусно сменяют друг друга, организуя композицию стиха. Все это очень напоминает похоронную причеть, которая обычно состоит из повествования о случившемся ("заплачки") и из его эмоционального переживания ("обидных стихов")[36]. Причем, если "заплачка" грамматически ориентирована на план 3-го лица, то "обидные стихи" ("аффект идеального") - естественно, на 1-е лицо. Близок и "темпоральный сюжет" причети и духовного стиха. По мнению Д. С. Лихачева, "рассказ о прошлом (в плаче. - *В. С.*) всегда ведется во временной последовательности событий. Часто он начинается с детства, потом постепенно и равномерно... доходит до главного события причети: до настоящего времени. Настоящее следует за прошлым. Завершается причеть думами о будущем"[37].

---

[33] *Адрианова-Перетц В. П.* Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974. С. 11.

[34] *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. Л., 1940. С. 232-236.

[35] *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. М., 1976. С. 105.

[36] См.: *Киселева А. А.* Народная причеть как поэтический жанр // Русская литература. 1989. № 2. С. 4.

[37] *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 243.

Тематическая общность похоронной причети и стихов "пребо-лезненного воспоминания" приводит и к конкретным соответст-виям в развитии временного сюжета. Так, для эсхатологического духовного стиха чрезвычайно важна оппозиция "мир праведный: мир греховный", которая коррелирует с другой не менее важной оппозицией "праведное прошлое: греховное настоящее":

Аще помянем благочестие
И пресветлое правоверие,
Егда процветал крин церковный, -
Зело блистал сан священный... (С. 180)

Объяснение настоящего "нестроения" для старообрядцев - в от-ступлении от законов праведного мира. Любопытно, что в за-онежских причитаниях (в исполнении И. А. Федосовой) "заплач-ки" тоже начинаются с повествования о "золотом веке" - своеоб-разной утопии, обращенной в прошлое[38]:

Во досюльные времена было годышки
Жили люди во всем мире постатейные,
Оны ду-друга люди не терзали.
Горе людышек во ты поры боялося,
Во темны леса от них кидалося...
С подземелья злое горе разом бросилось,
Черным вороном в чисто поле слетело...
С того мор пошел на милую скотинушку,
С того зябель на сдовольны эты хлебушки,
Неприятности во добрых пошли людушках...
(Плач о писаре. П., 59-61.)

Где ведь жалобно-то солнце проникае,
Там ведь прежняя родима наша сторона,
Наша славная сторона Новгородская!
Когда Новгород был не разореной
И ко суду были крестьяна не приведены...
Тыи времечка прошли да не видаюча,
Тыи годы скоротались не слыхаюча!
Наступили бусурманы превеликие,
Разорили оны славный Новгород!
(Плач о старосте. П., 56-57.)

Возвращаясь к проблеме общности композиционной организа-ции, следует отметить, что описательно-повествовательная часть плюс монолог или диалог встречается также в необрядовых лирических песнях и исторических песнях[39]. Однако причеть и

---

[38] *Чистов К. В.* Русская причеть // Причитания / Вступ. ст. и прим. К. В. Чистова; Подг. текста Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова. Л., 1960. С. 30.

[39] См.: *Артеменко Е. Б.* Взаимодействие планов изложения от 1-го и 3-го лица в русской народной лирике и его художественные функции // Язык

духовный стих, сближаясь с ними в этом отношении, разнятся в третьем жанровом признаке - обрядовости исполнения. Обрядовый характер причети общеизвестен, что же касается духовного стиха, то его ситуативная и календарная обусловленность также являются важнейшим конституирующим фактором жанра. По наблюдениям С. Е. Никитиной, "народ называет стихами тексты религиозного характера, объединенные функционально. Они исполняются во внелитургической ситуации и связаны с календарем; их разрешается петь во время постных дней, когда запрещалось исполнение песен, и во время великих постов"[40]. Функциональная близость духовного стиха и похоронной причети приводила иногда к тому, что некоторые стихи непосредственно включались в похоронный обряд[41].

С обрядовым характером "Стиха преболезненного воспоминания..." и причети связана еще одна сближающая их композиционная и грамматическая черта. Финальная часть духовного стиха, языковой доминантой которой являются ряды анафорических императивов, близка по своему содержанию и структуре к заговору[42]. Приведем ее полностью:

Ужаснись, душе, суда страшнаго
И пришествия всеужаснаго.
Окрылись, душе, крилы твердости,
Растерзай, душе, мрежи прелести.
Ты пари, душе, в чащи темныя,
От мирских сует удаленныя.
Поминай верных тамо мал собор,
Укрываются посреде холмов.
Не страшись, душе, страха тленнаго,
Не убойся ты огня вечнаго.
Изливай, душе, реки слезныя,
Простирай мольбы к Богу многия,
Крепко на него уповай,
Во веки его прославляй.

Элементы заклинания встречаются и в общерусских стихах "Сон богородицы", "Стих о Егории Храбром", "Стих об Иосифе Прекрасном":

Подымайтесь, ветры буйные,
Раздуйте вы пески желтые,

---

[40] *Никитина С. Е.* Устная народная культура. С. 46.

[41] Там же. С. 47.

[42] Синтаксически она еще ближе к молитве, однако принципиальным организующим элементом молитвы является обращение к Богу, Богоматери или святому, чего нет в нашем материале.

Ты укройся, укройся, гробова доска,
Развернись и ты, золота парча,
Ты устань, устань, Рахиль мати моя...
(Стих об Иосифе Прекрасном)[43]

Как и духовный стих, заговор обладает наибольшей устойчивостью текста, отсюда и уникальное для фольклора устно-письменное их бытование. Любопытно, что не только заговор мог использоваться в духовном стихе, но и сам стих мог выступать в качестве заговора (например "Сон богородицы"). Что касается похоронной причети, то и здесь постоянные заговорные формы, по мнению В. И. Ереминой, "должны рассматриваться как специфические признаки жанра"[44]. В причитаниях получают свое развитие характерные для заговоров общие моменты - обращение (призывание) и приказ:

Вы завейте, ветры буйные,
Растащите пески желтые,
Растаскайте мать-сыру землю.
Вы на все четыре стороны,
Вы раскройте гробовы доски...
(Плач при получении похоронного известия)[45]

Аналогичные синтаксические структуры, как мы видим, отмечаются и в "Стихе преболезненного воспоминания...". Композиционно-функциональная общность выговского эсхатологического стиха и причети не приводит, однако, к унификации языковых средств выражения. Духовный стих ориентирован на церковнославянский язык и лишен тех ярких поэтических приемов народной причети, которые отмечаются для этого жанра (различного вида повторы, поэтический параллелизм, традиционная формульная синтагма и др.).

По мнению В. В. Колесова, "жанр плача развивался в зависимости от объекта причети: о конкретном человеке говорили самым простым языком, русским, но литературно обработанным; обобщенные персонификации, все более отвлеченного идейного характера, требовали высокой речи, и здесь складывался свой формульный тип"[46]. Однако "глубинные" структуры, основанные на общности тематики (переживание смерти на миру), оказались очень устойчивыми и во многом повлияли на грамматический сюжет

[43] Цит. по: *Никитина С. Е.* Устная народная культура. С. 53.

[44] *Еремина В. И.* Историко-этнографические истоки "общих" мест причитаний // Русский фольклор. Л., 1981. Т. 21. С. 84.

[45] Там же. С. 85.

[46] *Колесов В. В.* Язык и стиль фольклорного плача и духовного стиха // Язык русского фольклора. Петрозаводск, 1988. С. 15.

эсхатологических стихов Выго-Лексинского общежительства, в том числе "Стиха преболезненного воспоминания озлоблении кафоликов".

СОКРАЩЕНИЯ

Б. - *Бессонов П. А.* Калеки перехожие: Сборник духовных стихов. Вып. 1-6. СПб., 1861-1863.

В. - *Варенцов В.* Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860.

П. - Причитания / Вступ. ст. и прим. К. В. Чистова; Подг. текста Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова. Л., 1960.

С. - Стихи духовные / Сост., вступ. ст., подг. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М., 1991.